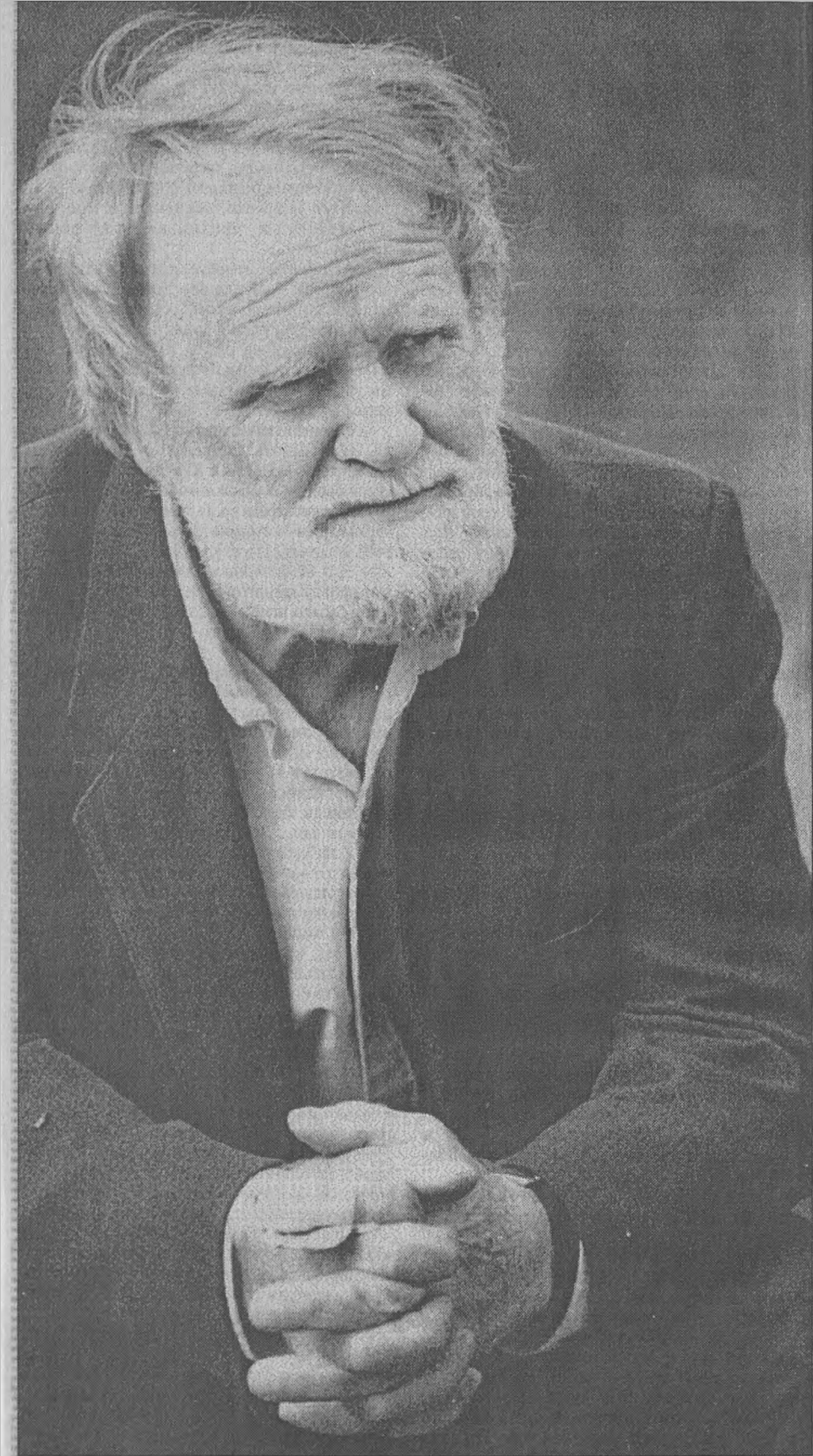

Василий Белов.
Фото Евгения Соколова

КАК ВООБЩЕ МОЖНО ЖИТЬ БЕЗ ПОЛИТИКИ?

Василий Белов продолжает заниматься литературой, не любит юбилеи и не знает, что такое счастье

Независимая газета. — 1998. — 11 апр. — с. 9, 10

Наталья Серова

ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ, ушедший 1997 год, юбилейный для вас, был на юбилей весьма щедр: 600 лет Кирилло-Белозерскому монастырю, 850 лет Великому Устюгу и Вологде...

— И Москве тоже 850. По этому случаю я обратился к москвичам со статьей. Я написал в ней, что раньше мы защищали Москву, а теперь России приходится самой защищаться от Москвы. Столица, как клещ, сосет кровь страны, доведя дело с сельским хозяйством до полного краха. Вчера по телевизору увидел, как пилоты, собравшись у Белого дома, требуют себе особую пенсию. Особую премию в 290 миллионов рублей получил, выйдя на пенсию, бывший председатель вологодского фонда имущества Безнощенко... Похоже, все заняты только собой и своим личным бюджетом. И никто не обращает внимания на то, что происходит в деревне.

— Вы неустанно и постоянно говорите и пишете об этом. Наш юбилейный разговор — еще одна возможность вернуться к деревенским делам. Чем стал для вас сам юбилей: рубежом, подведением итогов? Или датой, которую хочется проскользнуть, не заметив?

— Скорее всего вот это, последнее. Я вообще юбилеи не люблю. Пятидесятилетие свое отмечал под давлением еще при коммунистах. Дальше решил юбилеи вообще не отмечать. Православный русский человек юбилеи не отмечал, дни рождения не праздновал, разве что день ангела...

— Выходит, мы привнесли в свою жизнь новое, а что успели утратить?

— За какие годы?

— За годы вашей жизни.

— За это время очень многое изменилось.

— В худшую или в лучшую сторону?

— Не в худшую и не в лучшую сторону, жизнь просто менялась. Идут двоякие процессы. В последнее десятилетие пытаются возродиться и одновременно разрушается православие.

— Недавно вы написали публицистическую «Дорогу на Валаам», значит, с возвращением к ценностям православия связываете обретение народом нового «светлого пути»?

— Я это название сделал пока для себя. Оно не для народа придумано, оно подходит лично мне. А дорога всего народа мне неизвестна. Но я бы предпочел, чтобы дальше он, конечно, пошел валаамской дорогой.

— Кажется, вы сами пробуете идти именно этой дорогой... восстановили в родной деревне собственноручно храм...

— Храм восстановил, а священника нет. Когда на Успение из города приезжает священник, люди за тридцать километров съезжаются в Тимонику. Молятся, крестят детей. Смотрю на них и думаю: что будет с храмом, когда умру? Кто о нем позаботится? А вообще все идет, как написано в Апокалипсисе...

Процесс апостасии продолжается жуткими темпами во всем мире. Чем он закончится, боюсь судить...

— Вы доживаете свою жизнь с какой-то постоянной, неугасающей болью...

— Возможно, но так было не всегда. Я был веселым, был оптимистичным, всяким бывал. Я живу сейчас с болью по простой причине: в моей родной деревне Тимонихе недавно умер последний мужик Фауст Степанович Цветков. Ни одного мужика, ни одной лошади не осталось теперь. Живут три старухи. Сколько они протянут еще? Мучаюсь от вопроса: кто уничтожил мою родную деревню? В Вологодской области за последние десятилетия исчезло с лица земли около десяти тысяч деревень. А ведь многие деревни существовали еще с IX века!

Я помню себя с трех лет, помню, какой была моя деревня в 1935 году. Веселая, многолюдная деревня, в которой почти не болели. Люди веселились, пели, плясали... А как много, сильно, красиво работали в первые колхозные годы! Потом, когда государство стало унижать колхозников бесправной системой, налогами, грабительством, отношение к труду, конечно, изменилось. Крестьянство выдержало все: коллективизацию, индустриализацию, войну, в которой спасло страну. Помню, как в войну в нашей деревне пали все лошади. Восемь баб, опоясавшись веревками, впряглись в плуг и пахали вместо лошади. Потом так же и борошили. Работали от зари до зари. Помню, как маленьким пахал сам: ручки плуга поднять не могу — умная лошадь ждет. В 1948 году я был счетоводом в харовском колхозе «Четвертая пятилетка», на трудодень выдавали сто пятьдесят граммов трухи и три копейки денег. Способны ли нынешние люди на такой подвиг? Сомневаюсь...

С тех пор и по настоящее время для меня фигура председателя колхоза — фигура вполне трагическая. Как же можно жить без боли, если сейчас в моей деревне уже три года не пахнут и не сеют? А ведь более тысячи лет моя родина пахала и сеяла. Ежегодно, как только стает снег, изволь, милый, запрягать кобылу. То, что не прерывалось более тысячи лет, прекратилось при нынешней, так называемой демократической власти. Больно, когда видишь, как все зарастает бурьяном: и пастбища, и сенокосные площади, и подсеки. Одно кладбище осталось.

— Деревню постепенно искусственно обезлюдили. Можно ли так же искусственно жизнь в ней возродить?

— Не знаю... У президента Ельцина одно предложение — продать землю, и дело с концом.

— Продать кому?

— Да кому угодно. Не сомневайтесь: желающие купить найдутся. Иначе почему так много людей желают ввести куплю-продажу земли?

— Наверное, потому, что появилось много

свободных денег и вложить их хочется во что-то вечное...

—...так пожалуйста, если есть деньги — стройте, вкладывайте их в производство по мере работы. В любое другое производство. Но зачем земля тем, кто не собирается на ней работать? Я согласен закрепить землю за человеком навсегда, если он будет на ней работать. Как это сделано в Финляндии, в Японии. Я был в Японии недавно. Там есть специальный закон, обязывающий сдать серьезные экзамены на крестьянина.

— Практический или теоретический?

— И тот, и другой. Ты должен доказать, что любишь землю, умеешь ухаживать за животными, можешь работать на машинах. Только сдавшему этот экзамен государство продаст землю.

— А какой закон был бы оптимально приемлем для России?

— Мне кажется, что землю должен пользоваться бессрочно, бесплатно тот, кто на ней живет, ее обрабатывает, содержит животных, имеет свой дом. Тот, чьи предки на ней жили и чьи потомки собираются делать то же. В первую очередь им землю и отдать. Пусть они ею распоряжаются, пусть сами решают, какой закон принять, какой банк установить, какие ограничения в купле-продаже сделать.

Неужели трудно понять, что на рынке земли современному русскому крестьянину делать нечего? На нем он потеряет все.

— Но ведь была попытка сделать крестьян владельцами земли через акционирование ее.

—...и ни к чему не привела. Вот в совхозе «Присухонский» акционировали землю, выделили старухам пай, обрабатывать которые они не могут. Эти пай за бесценок стали скупать люди, не имеющие отношения к земледелу. Не секрет, что земельный пай в деревне сейчас можно купить за бутылку водки.

— В нынешней деревне сохранились еще дееспособные структуры, бывшие колхозы-совхозы, а ныне товарищества. Разве на них нельзя опереться, чтобы не с нуля в деревне начинать?

— Конечно, можно. Зачем разрушать то, что существует, как бы оно ни называлось: колхоз, коммуна, товарищество. Другое дело, что многим хозяйствам не под силу фантастические цены на машины, горючее, удобрения.

— Как вы считаете, угроза физического исчезновения России реальна?

— Россия может исчезнуть как независимая страна, а ее земли, леса, воды, недра будут просто раскуплены желающими обновить страну иностранцами. Странный, правда, способ обновления... Норильск продан неизвестно кому. Я видел передачу Евгения Киселева о Липецком металлургическом комбинате и впервые в жизни зауважал его. Я бы эту передачу повторил, чтобы ее все еще раз посмотрели. Комбинат акционировали, а прибыль он дает только англичанам. Наши рабочие трудятся, инженеры служат и ничего не имеют. То же и в Норильске.

— Согласитесь, что трудно живущий человек не осознает этой угрозы.

— Конечно. Ее осознают только немногие. Средства массовой информации пытаются внушить народу, что политика ему надоела, что и не надо ею заниматься, а надо спокойно работать. Это неправда. Как вообще можно жить без политики? Мы обязаны заниматься политикой, разбираться в том, что происходит. Иначе на нас сядут и поедут. Что, впрочем, сейчас и происходит.

— Есть и другой взгляд на будущее России. Наша страна так духовно богата, что говорить о ее исчезновении просто несерьезно, была и будет всегда.

— Всегда или не всегда, не знаю. В одном вы правы: Россия — такой кладез духовных и материальных богатств, что исчерпать ее трудно. На нашем веку это, наверное, и не произойдет. Но ведь есть и другие опасности. Я был в богатой Швеции и подумал, что не так уж ошибочны были наши коммунистические представления о капиталистическом обществе. Материально они богаче, духовно значительно беднее нас. Я обошел весь Стокгольм, был во многих галереях и могу утверждать, что в Вологде хороших художников гораздо больше. Процветающая страна не создала ничего значительного ни в искусстве, ни в музыке. Бергманом гордится...

— Ингмар Бергман — крупнейший художник XX века.

— Кино вообще, на мой взгляд, не искусство.

— Он работает не только в кино. Пишет, работает в театре.

— В Берлине меня просто потрясли музеи. Таких музеев у нас нет. И все. Современная немецкая музыка отсутствует, живопись — один модерн, литература не на высоком уровне...

— Суммируя вашу тревогу, можно сказать: богатая материально, общество будет утрачивать способность и потребность творить. Но есть же опыт столь любимой вами Японии, где техника и высокие технологии XXI века гармонично сочетаются с почитанием старого искусства.

— Написал я сейчас статью о дефиците информации о Японии. Ни мы о них, ни они о нас почти ничего не знаем. Нас намеренно отдают от Японии, от Востока вообще. Это делается искусственным образом.

— А по-моему, это получилось естественно, само собой. Сейчас, наверное, в Японию в состоянии съездить лишь тот, кто может платить. А это совсем не те, кто в состоянии что-то перенять...

— Меня поразило, что они преуспели не только в технике, но и взаимодействуя с другими странами и народами. Избегая дурных влияний, сохранили себя и развивают свою культуру дальше. Удивило, как трудно японцу, жившему за границей, снова получить японское гражданство.

(Окончание на стр. 10)